

ДВА КЛИПА К ЮБИЛЕЮ МЭТРА И ДРУГА¹

Как писала газета «Известия» 2 августа 2004 года, «сегодня легенде российской социологии Борису Грушину исполняется 75 лет». Добавлю к легенде о нем два земных сюжета.

Сюжет первый: Повторяется ли история?

В июне 1988 г. Политбюро ЦК КПСС приняло программное постановление «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении ключевых проблем советского общества». Этим постановлением социология была выделена из синдромов философских и экономических наук и получила долгожданное, годами выстраданное право на самостоятельное место в официальной структуре научных специальностей. В результате этого решения Институт социологических исследований АН СССР стал называться Институтом социологии АН СССР, а научные сотрудники получили право защищать кандидатские и докторские диссертации по социологическим наукам. Обращу внимание, что на весь этот цикл с благополучным эпилогом ушло около 60 лет, если вести отчет от конца двадцатых годов прошлого века, свыше 30 лет, если вести отчет от дней работы XX съезда КПСС.

Однако весь заряд, заложенный в решение Политбюро ЦК КПСС, не выстрелил. Уже в это время начались разлады в отношениях общественных наук с властью, М. Горбачев начал утрачивать свою харизму, а сама власть стала выражать недовольство результатами исследований, не отвечавшими их ожиданиям. Ни М. Горбачев, ни впоследствии Б. Ельцин (а следом за ними – их окружение) в реальности не испытывали потребности в советах социологов и не следовали им. Более того, часто они поступали вопреки этим советам. Например, нелепая и масштабная антиалкогольная кампания была иницииро-

¹ Публикуется по: Фирсов Б.М. Два клипа к юбилею мэтра и друга.

вана М. Горбачевым, несмотря на серьезные и единодушные возражения социологов, экономистов и других специалистов. Кампания нанесла непоправимый урон государственному бюджету и стимулировала первую волну организованной преступности. Несколько лет спустя, принимая фатальное решение о чеченской войне, Б. Ельцин также полностью игнорировал позиции и мнения профессионалов-ученых. Естественно, что эти факты не способствовали сглаживанию отношений социальных наук с режимом и, более того, побуждали занимать резко критическую позицию во многих случаях.

Власть сохраняла априорный характер *веры* в незыблемость установленного социального порядка. Будучи слепой, она не опиралась на научное знание. Невостребованность такого рода знания была одной из фундаментальных характеристик советской системы. Автор этого вывода Б. Грушин писал, комментируя свою позицию, что «это общество было, остается и долго еще будет обществом анти-информационным», поскольку процесс принятия решений осуществляется так, как он осуществлялся во времена Салтыкова-Щедрина по предложенной русским сатириком блистательной формуле «начальство знает все». Но дослушаем Грушина до конца. «Поэтому Михаил Сергеевич Горбачев и в личной беседе со мной, а потом еще и по телевидению мог сказать: «Что Вы, Борис Андреевич, какие там опросы, вот мой шофер только что приехал из Киева, и он мне говорит, что там видел – никакой Союз никогда не развалится... Украина никогда в жизни от России не отойдет. Ну, что Вы, Борис Андреевич». Разговор происходил за месяц до развала Советского Союза!

Повторяется ли история в наши дни? Похоже, что да!

Сюжет второй: Счастье жизни в свободе

Как отметил журнал «Неприкосновенный запас» (1998, N1), в России происходит постепенная и очень болезненная смена моделей отношений людей интеллектуальных профессий и общества. Полное воплощение эти модели получили лишь в истории Китая, но ничто не мешает воспользоваться ими как метафорами, поясняющими суть современной российской

проблемной ситуации. В рамках «конфуцианской» модели интеллекуал сыт, прикормлен, находится на общественном содержании и даже причастен в определенной мере к принятию решений. В обмен на это он служит обществу, является частью административно-бюрократического аппарата. Такая модель, повторюсь, была реализована в средневековом Китае, где чиновничий аппарат, как правило, совпадал с классически образованным классом. Очень близко к этой модели подошел Советский Союз. «Конфуцианской» моделью (с некоторыми оговорками и ограничениями) пользовались США в период создания атомной бомбы, а также другие развитые страны.

В рамках «даосской» модели, представитель образованного класса не получает целенаправленной поддержки общества, его связи с обществом случайны и уж во всяком случае не имеют никакого отношения к избранному им самим статусу «свободного интеллекуала». Как следствие, для физического выживания этому интеллекуалу не приходится ждать милостей от государства. Взамен он должен обращаться к побочным работкам, к помощи частных лиц (меценатов). Ради выживания такие интеллекуалы-абсентиисты могут прибегать к социальной самоорганизации, объединяясь на основе замкнутых сообществ или коммун по типу даосских или дзен-буддистских монастырей. Интеллекуал в подобных случаях живет исключительно на свой страх и риск, поскольку находится по ту сторону общественного добра и зла.

Кажется, что ранее господствовавшая в России «конфуцианская» модель заменяется элементами «даосской». В любом случае социально-экономический, да и социально-политический контекст функционирования науки и образования как важнейших социальных институтов общества радикально изменился, вследствие чего образовательное и особенно научное сообщество оказались как бы подвешенными в социальном вакууме и брошенными на произвол судьбы. По ряду признаков положение по-прежнему выглядит близким к состоянию социальной катастрофы. С такой силой действует фактор невостребованности науки со стороны реформируемого общества и государства, о существовании которого мы не могли догадываться еще каких-то 15 лет назад.

Но есть и другая точка зрения, которая не игнорирует реальные трудности, но призывает увидеть шанс на спасение. Наша многострадальная страна (я говорю, прежде всего, о России), является не только социальным пространством, где имеет место очередной и неизбежный для ее судьбы катаклизм, но и строительным полигоном современной истории, где живут и трудятся люди, чья ментальность позволяет встать над обстоятельствами и подчинить их себе. «Даосская» модель – вещь серьезная. Здесь человек интеллектуального труда вынужден принять за аксиому, что общество пренебрегает им, но взамен этого он получает духовную свободу. Именно духовную свободу, а не судьбу буддийского монаха я вычленяю из «даосской» модели, и тогда сквозь хаос нынешнего беспредела и разборок открывается некий альтернативный путь. Интеллектуал на некоторое время оказался без навязчивой опеки социума, но он же одновременно получил вполне реальную возможность найти такие формы существования, которые больше соответствуют его природе и станут ему опорой в будущем, когда социум вновь призовет его к сотрудничеству» [Неприкосновенный запас, 1998, № 1, с. 20]. В этой изменившейся ситуации уже интеллектуал будет диктовать условия для возрождаемого партнерства.

Борис Грушин был и остается свободным, как мало кто другой в его профессиональном и человеческом окружении. Поэтому, я верю, что он доведет до благополучного конца свой «сумасшедший» проект «Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина». И это будет самым ярким торжеством его свободного духа!

Пожелаем ему сил и здоровья в дни, когда он оставляет позади себя три четверти века своей яркой и легендарной жизни!

Б.М. Фирсов